

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Л. К. Павловская

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(О композиционных особенностях и месте среди других пинхуа)

В дошедших до нас источниках упоминается о том, что события эпохи Пяти династий во времена Сун (960—1279) были популярны у народных рассказчиков исторических сюжетов и некоторые из них даже специализировались исключительно по этой тематике [5, 30]. Записи исторических повествований народных рассказчиков назывались пинхуа. В свое время существовало немало этих записей. Как указывает библиография «Сы ку цюань шу цзун му» [9, цз. 54, 1], в энциклопедии «Юн-лэ дадянь» имелся специальный раздел пинхуа, куда входили произведения на исторические темы, исполнявшиеся рассказчиками. Вероятно, там были помещены и пинхуа на тему Пяти династий. До наших дней эта часть «Юн-лэ дадянь» не дошла. Сохранилось лишь одно произведение на этот сюжет — «Синь бянь у дай ши пинхуа» («Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий»), рукопись которого была найдена только в 1901 г. Цао Юань-чжуном и опубликована в 1911 г. У Цзин-дуном.

Существуют две точки зрения о том, когда было написано «Пинхуа по истории Пяти династий»: а) во время «перехода на юг» (первая половина XII в.) [6, стр. 249]; б) эпоха Юань (XIII—XIV вв.) [4, 144—149]. Обе они не могут считаться окончательно доказанными. Определенно можно назвать только нижнюю дату создания памятника — конец XI—начало XII в., ибо «Цзы чжи тун цзянь», основной исторический источник повествования¹, был написан Сыма Гуаном в 1085 г., а исследуемое нами произведение могло появиться только после его опубликования. Кроме того, по нашим предварительным наблюдениям, цитируемые автором стихи не выходят за рамки XI в.: наиболее поздним является отрывок из стихотворения Шао Сюна (1011—1077).

Независимо от того, когда был создан дошедший до нас вариант «Пинхуа по истории Пяти династий» (а он является несомненно не первой редакцией произведения, на что указывают слова «синь бянь» — «заново составленное», предшествующие названию), можно предположить, что само произведение принадлежит к наиболее ранним образцам жанра пинхуа.

В пинхуа синтезировались классическая историография и народная литература. Соотношение их в различных сочинениях этого жанра неодинаково. В «Пинхуа по истории Пяти династий» преобладает истори-

¹ Авторы, писавшие о «Пинхуа по истории Пяти династий», придерживаются различных точек зрения об историческом источнике повествования. Цзинь Дэ [11, 24—31] называет «Цзю у дай ши» («Старую историю Пяти династий»), М. В. Софронов [4, 144—149] — «Цзы чжи тун цзянь». Нам удалось установить, что «Цзы чжи тун цзянь» — основной, но не единственный источник. Автор заимствует для своего повествования фрагменты и из других исторических сочинений [2, 43].

ко-летописная традиция. Здесь не только излагаются подлинные события эпохи Пяти династий, но и текстуально воспроизводятся исторические источники. Внутренняя последовательность изложения материала — хронологическая — тоже заимствована из исторических источников. Такая зависимость от источников характерна, на наш взгляд, и для ранних образцов *суцзян* — популярных пересказов буддийских сутр монахами. Этот жанр был не только предшественником, но и родоначальником (особенно в его разновидности *цзянцзин вэнь*) всех последующих песенно-повествовательных жанров простонародной китайской литературы, в том числе и пинхуа. В ранних образцах *суцзян* зависимость от источника и связь с ним были особенно тесными. Обязательно цитировались название сутры и ее полный текст, и только потом давалось ее упрощенное изложение и истолкование в прозе и стихах. С развитием жанра и появлением его новых форм (*бяньвэнь*) зависимость рассказчика от источника постепенно становится менее ощутимой и завершается произвольным выбором сюжетов, разработка которых, идейная и художественная, имеет уже мало общего с источником [8, 1—3; 1, 5—29].

Можно предположить, что развитие жанра пинхуа шло в основном в том же направлении. Вначале рассказчик на рыночной площади пересказывает исторические сочинения максимально близко к источнику. Но простой пересказ, по-видимому, не может долго удовлетворять и слушателей и самого автора — не все в исторических сочинениях нравится, не все понятно, не все дано объяснение, популярные в народе герои очерчены официальной историографией. И рассказчик начинает выбирать наиболее интересные, с его точки зрения, события, дополняет их, вводит новые факты из других сочинений, пытается по-своему истолковать поступки героев. Все больше привлекается фольклорный материал, в котором полнее выражены народное осмысление и оценка многих персонажей и событий истории. Постепенно рассказчики все дальше отходят от текста исторических сочинений, заимствуя из них лишь отдельные сюжеты, интерпретация и развитие которых уже целиком зависят от рассказчика. В некоторых других пинхуа, сохранившихся до наших дней², заметнее отразилась фольклорно-художественная традиция, что, по нашему мнению, указывает на более поздние образцы жанра. Дальнейшее изучение и сопоставление «Пинхуа по истории Пяти династий» с другими произведениями этого жанра и ранними образцами исторического романа даст возможность закрепить или опровергнуть эти предварительные выводы.

Пинхуа были очень популярны. Рассказчиков слушали и простой люд и высшая сановная знать [10, 313]. И тех и других, по-видимому, привлекал не столько пересказ исторических событий, сколько авторское осмысление и художественность изложения. И поэтому, анализируя одно из ранних произведений этого жанра, «Пинхуа по истории Пяти династий», где 75—80% текста является более или менее подробной передачей нескольких исторических сочинений и совпадает с ними текстуально, мы можем говорить и о композиции произведения, и о творческом отношении автора к отбору исторического материала, и о его структурной взаимосвязи. Автор пинхуа намеренно отступает в отдельных случаях от сюжетных ходов истории, вводит самостоятельные сюжеты в повествование, сочетает исторический материал с фольклорным,

² «У-ван фа чжоу пинхуа» («У-ван идет походом на Чжоу»), «Ци го чуньцю хоу цзи пинхуа» («Пинхуа о веснах и осенях семи царств. Последний сборник»), «Сюй цянь Хань шу пинхуа» («Пинхуа по истории Ранней Хань»), «Цинь бин Лю го пинхуа» («Пинхуа о том, как Цинь присоединило шесть государств»), «Сань го чжи пинхуа» («Пинхуа о трех царствах»).

стремится к художественному домыслу и некоторой идейной обработке материала. Довольно четко выражено и отношение автора к главным героям повествования [2, 43]. Наконец, что весьма существенно, все изложение имеет единый идейно-композиционный стержень — предопределенность всего того, о чем повествует автор. Тема судьбы, предначертанности звучит в повествовании настойчиво и неоднократно, начиная со стихотворного вступления.

В структурной композиции «Пинхуа по истории Пяти династий» выделяются две формы изложения: внешняя воспроизводит основные формальные особенности простонародной повествовательной литературы; внутренняя же сохраняет воспринятое от исторических источников хронологическое фиксирование событий. Мы остановимся на некоторых особенностях внешней формы.

В «Пинхуа» сохранились стихотворное вступление, прозаическое введение, изложение темы и стихотворное заключение. Но функции некоторых из этих структурных единиц претерпели качественные изменения. В упомянутых выше *суцзян*, например, вступительная часть повествования *кайцзян* состояла обязательно из двух частей: песенно-стихотворного вступления *яцзовэнь*, задачей которого был эмоциональный настрой слушателей, и *кайти* — прозаического вступления, где популярно толковались сюжет и основной смысл дальнейшего изложения. Это была своего рода аннотация на собственно изложение — *чжэцзян*, следовавшее после вступлений. Завершалось повествование стихотворным заключением *цзецзовэнь*, где еще раз подчеркивалась основная мысль рассказанного [8, 44]. Постепенно эта форма становилась более гибкой, варьировалась. В сунских *сяошо*, например [3, 11—140], уже не обязательны оба вступления. Здесь возможно стихотворное или прозаическое вступление или оба вместе, задача их с помощью более краткой аналогичной или противоположной по смыслу истории подчеркнуть основную мысль произведения. Правда, здесь этот формальный прием несет определенную художественную нагрузку и воспринимается как прием художественный. Вступление в этом случае не связано с материалом изложения и развитием сюжета, оно имеет с ним только идейно-художественную связь. Стихотворное же резюме по-прежнему остается обязательным.

В «Пинхуа по истории Пяти династий» стихотворное вступление и заключение тоже присутствуют и функции их остаются прежними. Прозаическое же введение приобретает новые качества. Прежде всего оно связано с самим повествованием по материалу, служит началом сюжета повествования. Это уже неотделимая часть всего произведения, предшествующая изложению собственно материала истории.

Общая историческая экспозиция, начинающая «Пинхуа по истории Пяти династий», вслед за стихотворным эпиграфом излагает кратко историю Китая от времен, когда «разделился надвое первобытный хаос» [6, 3], до воцарения династии Тан и восстания Хуан Чао, т. е. подводит к тому историческому периоду, когда начинаются главные события повествования и появляются главные герои. В этом общем вступлении открыто звучит и основная идея повествования (в стихотворном вступлении она дана намеком) — идея предопределенности. Здесь же мы видим и сюжетную завязку, которая определяется самой идеей произведения. Динамично рассказав о бурных перипетиях китайской истории на протяжении многих веков, автор заканчивает свой экскурс воцарением на престол Тай-цзуна, когда в стране наконец-то наступило довольство и покой. «В годы Чжэнь-гуань, — рассказывает автор, — доу риса стоил три цзяня, ворота домов не закрывались, домашний скот пло-

дился и заполнял пастбища. Отправлявшимся в путь даже за тысячи ли не надо было брать с собою провиант. Вожди варварских племен покорились танскому двору и, вооруженные мечами, состояли в личной страже государя. И только двадцать девять человек было предано казни за год в Поднебесной. Вот, как хорошо и спокойно было в то время!» [6, 5; 12, 6085]. Но судьба династии Тан предрешена — автор тут же вводит эпизод, в котором Юань Тянь-ган по приказу императора Тай-цзуна составляет гороскоп династии и предсказывает восстание Хуан Чао. Пророчески звучат слова Юань Тянь-гана, обращенные к Тай-цзуну: «Ничто на свете не может избежать своего удела. Бывает, что небо и земля сокрушаются, бывает, что солнце и луна затмеваются. И продолжительность благоденствия государства и время появления разбойников имеют свое предопределение. Рок властвует над всем, и уклониться от его велений невозможно» [6, 5]. А далее идет обычный для рассказчика вопрос: «А знаете, что было в тех двух строках гороскопа, которые Юань Тянь-ган не хотел показать императору?».

Не зеленый, не белый, не красный, не алый,
Рек и полей восемнадцать, а людей убирать нет.

И тут же разъясняет, что эти строки — иероглифически зашифрованное имя Хуан Чао: первая расшифровывается как Хуан — желтый, во второй раздельно, по частям, изображен иероглиф Чао — гнездо [6, 5—6]. Теперь, когда тема задана и завязка есть, автор переходит к изложению событий. «Как написал Юань Тянь-ган в двух строках предсказания, так все и произошло при восемнадцатом императоре Великой (династии) Тан императоре Си-цзуне, пятом сыне императора И-цзуна...» [6, 6].

Первая глава несколько отличается по композиции от остальных, так как первая ее часть является вводной не только к истории династии Лян, но и ко всему повествованию. Сразу же после общего вступления начинается вступление к истории династии Лян. Это большая художественная композиция, включающая и рассказ о детских и юношеских годах Хуан Чао и рассказ о семье Чжу, давшей историю Чжу Вэня, узурпатора танского престола. Мы приведем примеры вступлений к двум главам³.

«...Рассказывают, что в уезде Юаньской области Цаочжоу жил один богатый человек по имени Хуан Цзун-дань. Занимался он торговлей солью и любил собирать вокруг себя непутевую молодежь. И вот как раз в первый год [правления] Сянь-тун жена Хуан Цзун-даня забеременела. Четырнадцать месяцев не могла она разродиться. Наконец родилось что-то, какой-то мясистый комок — оказалось, это ребенок, покрытый фиолетовым шелком. Комната вдруг озарилась ослепительным светом. „Недоброе это что-то“, — сказал жене Хуан Цзун-дань и послал слугу унести комок и бросить его в тихом и безлюдном месте. Человек вернулся, но еще и не рассвело, а за воротами раздался плач ребенка. „Ох, недоброе это все-таки существо, — произнес Хуан Цзун-дань, — а умертвить его, так, пожалуй, накличем на себя беду“ — и приказал слугам занести его подальше — в деревню Цинцаоцунь и положить там в гнездо коршуна. А если он оттуда упадет, так где уж ему выжить! Прошло семь дней, Хуан Цзун-даню случилось проезжать через Цинцаоцунь. Вдруг он услышал: „Пала, — зовет его из гнезда ребенок, — сохрани мне жизнь. В будущем я сторицей отплачу за милость твою!“ Хуан Цзун-дань велел слуге влезть на дерево и забрать из гнезда ре-

³ Переводы даются в сокращении.

бенка. Вместе с мальчиком вернулся он домой и стал его воспитывать. Поэтому и назвали его Хуан Чао — Хуан Гнездо. Рассказал опять жене Хуан Цзун-дань, как кричал ему мальчик. „Да, очень странный младенец, — сказала жена. — Если не возвеличит он имя наших предков, то род загубит непременно. Быть может, лучше, не откладывая, убить его?“. „Если Небу угодно уничтожить наш род, — ответил Хуан Цзун-дань, — то, убив это дитя, мы пойдем против начертанного Небом. Будем его растить, посмотрим, что из него выйдет“.

Незаметно мальчику исполнилось четырнадцать-пятнадцать лет. Ростом он был в семь чи; от рождения мышцы его левого плеча напоминали ползущую змею, правого — перекатывающийся мяч; на спине расположились отчетливые знаки „багуа“⁴, а на груди виднелись родинки — семь звезд. Однажды проходивший мимо ворот их дома какой-то даосский монах подарил Хуан Чао меч. „Это Небо дарует Хуан Чао“, — сказал монах и исчез. Внимательно рассмотрев меч, Хуан Чао обнаружил на нем надпись „Возмутивший царство Тан“» [6, 7—8].

В этом примере (взят только небольшой начальный отрывок) сказчик строит изложение почти целиком на фольклорном материале, используя, по-видимому, легенды и предания, жившие в народе.

А вот другой пример — вступление, начинающее главу об истории династии Поздней Тан. «...Известно, что предки позднетанского Ли Кэ-юна происходили из западных тюрок и носили фамилию Чжусе, чжусе же — это название племени. Во времена правления Сянь-цзуна сын некоего Чжусе Цзинь-чжуна по имени Чжи-и, явившись с изъявлением покорности к китайскому двору, сказал, что прозвище его Шато, а фамилия Чжусе. Шато — название большой пустыни, а племена, проживающие южнее гор Цзиньшашань и восточнее озера Пулэйхай, называются тюрки Шато. Сын Чжи-и Чи-синь отличился в усмирении Пан Сюня. Ему была дана должность *цзедуши* в Чжэнъю и пожалованы фамилия и имя — его стали звать Ли Го-чаном. Были стихи, где говорилось:

Шато — это варваров край в огромной пустыне.
Отважных и смелых в том племени много,
Но лишь одному император пожаловал имя —
Чи-синь верно служит стране в невзгодах и бедах.

Когда туфани, заподозрив Шато в сговоре с уйгурами, вознамерились переселить их за реку, вождь Шато Цзинь-чжун посоветовался со своим сыном Чжи-и, и они решили восстать и перейти под власть танского двора.

У сына Чжи-и Чи-синя родился сын по имени Кэ-юн. А перед тем как родиться Кэ-юну, его отцу Чи-синю приснился ночью сон: попал он куда-то и увидел дворец — величественные, крепкие ворота, светлые, высокие строения — такой же, как в мире людском дворцы. Некто, сидевший в дворцовом зале, на голове имел корону и был одет в одежды вана. Чи-синь согнулся в поклоне, потом опустился на колени и поклонился до земли. Человек, восседавший в зале, произнес: „Война дракона и свиньи закончится, чоу-коу⁵ рухнет, четырнадцать лет будет восседать в золотом дворце. Десять старших братьев возьмут оружие, не встав против господина. Четыре государя, фамилий три“. Тут как раз Чи-синь проснулся, а жена его уже рождает. Родился мальчик, внешности богатырской, с голосом звонким. Вспомнив слова „десять старших

⁴ Багуа — восемь знаков, выражающих борьбу двух космических сил — темной и светлой (*инь-ян*). Употреблялись для гадания.

⁵ Знаки *чоу* и *коу* входят в иероглиф *Тан*. Здесь — намек на гибель государства Тан.

братьев возьмут оружие“, которые он слышал во сне, Чи-синь назвал ребенка Кэ-юн („десять старших братьев“ — это отдельное написание знака „кэ“, а „юн“ значит „взять“). Если истолковать этот сон, то станет совершенно ясно, что здесь излагается вся история династии Поздняя Тан...» [6, 43—45]. И дальше автор подробно толкует каждую фразу вещего сна. Здесь в отличие от первого примера равноценно представлены и исторический [7, 23] и фольклорный материал.

Эти примеры, на наш взгляд, дают некоторое представление о вступлениях, которые, сохранив свое изначальное назначение — аннотацию к собственно изложению темы, — стали исходным пунктом развития сюжета повествования: они содержат его завязку. Завязка же показывает, как правило, необычность главного героя, явление и поступки которого есть результат предопределения свыше. А тема судьбы становится идейным и структурным стержнем в композиции повествования.

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что «Пинхуа по истории Пяти династий» — ранний образец пинхуа, так как здесь еще весьма сильна зависимость рассказчика от исторических источников, не простой пересказ нескольких исторических сочинений, а художественное произведение с единой идейно-композиционной конструкцией. Оно имеет свою отправную точку и свое завершение, судьба героев показывается в развитии. Развитие это, правда, чисто внешнее, решенное лишь во времени, традиционными художественными приемами простонародной литературы.

В пинхуа произошли качественные изменения традиционных структурных компонентов, и это, на наш взгляд, привело к определенному стилистическому сдвигу, способствовавшему созданию нового жанра пинхуа — народного исторического романа. Эти изменения произошли прежде всего во вступлениях, ибо здесь, за рамками главных исторических событий, автор был более всего свободен от пут исторических источников и смог привнести свою идею, объединившую повествование в единое произведение и ставшую отправным пунктом развития сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дунхуанского фонда Института народов Азии), издание текста, предисловие, перевод и комментарий Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
2. Павловская Л. К., «Пинхуа по истории Пяти династий» (Некоторые предварительные наблюдения над источниками и приемами использования их в пинхуа), — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», Тезисы докладов, Л., 1966.
3. «Пятнадцать тысяч монет». Средневековые китайские рассказы, пер. И. Т. Зограф, М., 1962.
4. Софронов М. В., Об источнике и времени составления «Синь бянь у дай ши пинхуа», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.
5. Мэн Юань-лао, Дун цзин мэн хуа лу (Пестрые заметки о снах в Восточной столице), Шанхай, 1956.
6. Синь бянь у дай ши пинхуа (Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий), Шанхай, 1954.
7. Синь у дай ши (Новая история Пяти династий), — «Сыбу бэй яо», Шанхай, 1936, т. 80 (Тан бэнь цзи ди сы).
8. Сунь Кай-ди, Суцзян шохуа юй байхуа сяшо (Суцзян, шохуа и рассказы на байхуа), Пекин, 1956.
9. Сы ку цюань шу цзун му (Общий каталог всех книг четырех хранилищ), т. 17, Шанхай, 1926.
10. У Цзы-му, Мэн лян лу, — Мэн Юань-лао [5, 129—328].
11. Цзинь Дэ, Сун пинхуа сяшо (Пинхуа эпохи Сун), — сб. «Гудянь вэньсюе цзопинь цзеси», вып. 2, Шанхай, 1958.
12. Цзы чжи тун цзянь (Всеобщее зеркало, управлению помогающее), т. 1—10, Пекин, 1956.